

Все эти мелочи прошлого и далекого прошлого, связанные с моими воспоминаниями о плавании на «Пересвете», возобновили в моей памяти и старую Императорскую Россию, в которой я родился, учился и служил до 43 лет, дослужился до генеральского положения. Воспоминания обо всем, ушедшем с моей родиной, дороги мне даже в обломках здесь за рубежом, где суждено мне остаться навсегда.

Умерли и оба Великих Князя, плававшие до меня на том же «Пересвете».

IV. ПОХОД В ЯПОНИЮ

Через несколько дней моего пребывания на «Пересвете», слухи о походе за границу подтвердились. Корабль стал готовиться, производились ремонты, переборка машин, погрузка угля и снарядов. Одновременно шли учения по различным авралам.

После рождественских праздников, в январе 1903 года, два эскадренных броненосца «Петропавловск», под флагом вице-адмирала Старка и «Пересвет» под флагом контр-адмирала князя Ухтомского, снялись с Порт-Артурского рейда и, после двухдневного перехода подошли к Нагасаки.

Целью похода был визит начальника отряда и его штаба Японскому Императору, как говорили от имени будущего Наместника Его Императорского Высочества на Дальнем Востоке адмирала Алексеева.

Нагасаки

Погода все время стояла хорошая. После обмена салютами (мы подняли японский флаг и дали, кажется, 21 выстрел; японцы на береговой мачте подняли русский и сделали то же). Затем мы вошли в прекрасную, обнесенную гористыми берегами, гавань-залив и стали на якорь.

Для меня это было второе посещение Нагасаки. До сих пор у меня в памяти несколько интересных фактов, как о нашем пребывании, так и об особенностях их климата и нравов.

Мои шпионские функции

На «Пересвете» среди офицеров не было любителей фотографии, а между тем по штату на корабле полагался большой фотографический аппарат на треножнике с объективом для дальних съемок, темная каютка для проявления, необходимые реактивы, запас пластинок. Я же был любителем этого дела. Студентом я имел свой аппарат. Мне предложили заведовать судовым фотографическим аппаратом.

Когда мы подходили к Нагасаки, командир броненосца поручил мне сделать из иллюминатора снимок береговой японской батареи, которая возвышалась вправо от нас при входе в гавань, но так, чтобы это не было заметно для сопровождающего нас японского катера, с прибывшими для нашей встречи властями. По указанию артиллерийского офицера я сделал на ходу моментальный снимок из каюты и быстро убрал аппарат.

Результаты, как сообщил мне артиллерийский офицер, были мало интересны.

Визиты иностранцам

На рейде мы застали суда различных европейских наций. После обмена визитами командиров адмиралу и между командирами, решено было послать делегации по три офицера и от кают-компаний. Я был в той тройке, которая делала визиты на австрийский и германский корабли.

На австрийце нас приняли хорошо. Почти все младшие офицеры были славяне и мы с ними объяснялись по-русски. Командир же судна и старший офицер были немец и венгерец. Говорили, что везде на австрийцах так.

На германце прием был тоже хороший, но нас поразила следующая картина. Когда мы поднимались на палубу, после приветствий вахтенного начальника и старшего офицера, нас повели в кают-компанию.

На палубе увидели четырех матросов, лежавших в неудобных позах на спинах, один возле другого. Оказалось, что все они в наказание были прикованы за одну ногу к железному пруту, приделанному к палубе. День был яркий, солнце слепило наказанным матросам глаза, а они полулежали, упираясь локтями в палубу, щурясь от яркого солнца.

Все мы были поражены. Ничего подобного у нас не было.

Флюоресценция

Во время нашей недельной стоянки в Нагасаки, отличающегося мягким климатом, даже в январе месяце было настолько тепло, что мы иногда ходили без пальто.

Как-то вечером опустился редкий туман, потом стал чуть-чуть моросить мелкий дождик.

Я и покойный мичман Салтанов (впоследствии убитый 28 июля 1904 года в эскадренном бою у Шантунга) поздно вечером возвращались с берега на наш корабль. Шли мы на японской шлюпке. В бухте был полный штиль.

Когда лодочник-японец стал грести веслами, с каждым движением весла в воде от него шли по поверхности залива золотые полосы, освещавшие ночную тьму, а с поднятых и занесенных весел лились и капали золотые светящиеся струйки.

Зрелище было феерическое. Вода от прикосновения к ней загоралась фосфорическим светом. Она казалась живой водой.

Феномену водному сопутствовал и феномен воздушный. Воздух насыщен был каким-то электричеством, возбуждавшим в нас приятную тревогу ожидания, которую испытывает человек в период влюбленности, смотря на мелькающий силуэт предмета своего обожания.

Какая-то эманация входила в нас с этим теплым, сыроватым воздухом, которым мы дышали над поверхностью светящей искрами плещущей морской воды.

Эти непередаваемые ощущения я неоднократно испытывал в тропических морях и у самого экватора. Они не наблюдаются в климате умеренном.

Нагасаки 12 мая
 Что, братья, поднаживе-
 ете, как учитеесь?
 Пишите мне в Ар-
 тур! Что Берушика
 уже тверда на ногах!
 Хотите послать вам
 в подарок? Яша.

« Нагасаки 12 мая. Что братцы подделываете, как учитесь? Пишите мне в Артур. Что Берушика уже тверда на ногах? Чтобы послать вам в подарок? Яша »

Покидаем Нагасаки

После недельного пребывания мы покинули любезное, всем известное Нагасаки, направляясь через открытый океан в Иокогаму, мало кому известную из молодежи. Интерес был сугубый.

Имея головным «Петропавловск», оба броненосца, идя в кильватерной колонне, обменявшись прощальными салютами, вышли из Нагасакской бухты, обошли с юга остров Киу-Сиу, на котором стоит этот город, и вышли в открытый океан. Погода была свежая, сразу начало качать.

Тайфун (ураган)

К ночи задул ветер такой страшной силы, что не было возможности передвигаться по палубе. Ходить по поверхности судна было опасно: во-первых, могло сдуть за борт; затем надо принять во внимание, что броненосец клало не только с борта на борт, но и подбрасывало то носом, то кормою вверх. Тогда перед противоположным концом вырастала стена воды, которая в ночной полутьме иногда казалась почти вертикальной к верхней палубе корабля.

За год до того я проделал морской переход от Одессы до Нагасаки почти непрерывного сорокасуточного плавания. За это время мы видели разные погоды в море. Один раз в Южно-Китайском море, возле острова Формозы мы попали в хвост тайфуна. «Екатеринослав» Добровольного флота (6 тысяч тонн) тогда очень качало. Но то, что происходило на «Пересвете», корабле в два раза больше «Екатеринослава», не могло идти в сравнение. Стихия океана в этих водах, где глубина моря считается самой большой в мире, более 10 километров, пугала человека.

Броненосец весь трещал. Треск зависел от пустой причины, - стенки, отделявшие одно помещение от другого, были сделаны из гофрированного железа, которые и давали этот неприятный звук, не представляя, по существу, ничего опасного, но казалось, будто трещит остов корабля; как будто сам стальной гигант начинает расшатываться всей массой своей подбрасываемой на океанской волне, как катер в гавани.

Обед в бурю

В шесть часов вечера позвонили к обеду. Из 25 офицеров кают-компания в походе садилось за стол не больше 20, потому что вахтенный начальник, его помощник и вахтенный механик оставались на своих постах. Село, однако, за стол всего пять человек: старший офицер, лейтенант Елисеев, старший минный офицер лейтенант Кротков и ещё кто-то. Пятым явился я. Все остальные или были больны морской болезнью и лежали в каютах, либо просто не могли видеть пищи в такое время.

Ели суп. Бледные вестовые едва передвигались, боясь выронить посуду с пищей. На столах, к счастью, посуда держалась на мягких войлочных скатертях, только надо было следить, чтобы при подъеме противоположного борта суп не вылился вам на сюртук.

Я решил уже, что выдержал морской экзамен, но когда вестовой подал мне тарелку с котлетами, запах их вызвал во мне внезапную резкую тошноту. Я почувствовал, что суп фонтаном хочет вырваться из меня назад, бросил вилку с

котлетой и выбежал из кают-компания; перескочив через высокий порог, лег на живот, распростерся на палубе и поехал в «ригу».

Когда я облегчился, ко мне снова вернулось самообладание, и я невольно поднял голову. В пяти шагах от меня стоял перед командирским помещением часовой у денежного ящика. Лицо его тоже было грустным, но мне стало так стыдно перед ним, что я тотчас вскочил, побежал в свою каюту и лег. Голова пустела, в ней была страшная боль... Через полчаса я стал привыкать к этому состоянию. Мне нужно было идти в судовой лазарет, где должен был быть уже старший врач. Скоро я овладел собой.

Моряки мне рассказывали, что самое лучшее средство от качки - это быть занятым по службе. Когда вы не можете уйти, не смеете лечь и предаваться своим мыслям, морская болезнь вас покидает.

В бурю в кают-компания

Окончив свои занятия в судовом лазарете, шатающейся походкой, придерживаясь за стены, я побрел опять в кают-компанию. Обычно в эти часы, перед вечерним чаем, собиралось большое общество - чуть не все офицеры. На этот раз кают-компания была почти пуста.

Лейтенанты Кротков и Старк играли, однако, в «хальму» (скучная игра с перестановкой на многоклеточной шахматной доске однообразных фигурок двух цветов, напоминающих офицеров в шахматах) и так смеялись и шутили друг с другом, как будто и не было никакого урагана и ревущего за бортом ветра. Морская болезнь была им совершенно чужда...

Пришел в кают-компанию флагманский доктор Александр Александрович Бунге, тоже старый моряк, очень много плававший. Он тоже не укачивался, и предложил мне составить с ним вторую партию в «хальму». Игры мы не закончили. Внезапно так положило на бок «Пересвет», что все фигурки полетели на палубу. Перешли на шашки, они плоски и устойчивы.

Я не мог больше переносить усилий казаться моряком и ушел в свою каюту.

Моя койка была расположена поперек судна, но все же трудно было спать : при сильных ударах, поочередно, то голова упиралась в шкаф, то ноги - в борт.

Так, в шторме мы прошли кажется, чуть ли не двое суток. Буря не ослабевала. По дороге не встречали судов.

На утро, кажется на третий день, погода исправилась. Подходили к Иокогаме.

В Иокогаме

Это было утром. После двух или трехсуточного бурного плавания по бушевавшему, далеко не тихому, но вне всякого сомнения Великому океану, мы подходили к Иокогаме, являвшемуся портом японской столицы - Токио.

Вся Япония (я видел её близко у берегов Нагасаки на юге и теперь у берегов Иокогамы в центре этого государства, расположенного узкой полосой по меридиану) представляет однообразный колорит. Холмисто-горная поверхность, чистенькая, зеленая с террасами возделанных полей, обильно орошаемая водою, и беспыльная. Полный контраст с тем, что мы видели в пыльном, грязном континентальном Китае.

Первое, что поразило нас в Иокогаме – это замечательная погода. После перенесенного жестокого урагана на переходе от Нагасаки до Иокогамы Великий океан показал, что он имеет право называться и Тихим.

Ясный, чистый воздух дал возможность любоваться вулканом Фудзияма. С палубы броненосца «Пересвет» мы не сходили часами, все время смотря на эту красавицу Японии, вдохновляющую её художников, поэтов и музыкантов.

Фудзияма, красавица

На фоне голубого неба Фудзияма представлялась точно такой, как она изображалась на японских ширмах, коробочках, веерах японских художников-кустарей.

Большой белый шатер, верхушка которого срезана, и из этой дыры выходит и клубится густой, темновато-коричневатый дым, который, поднимаясь вверх, все более расширяется и редет. Но, очевидно, благодаря большому расстоянию, отделявшему нас от этого чуда света, это огромное дымовое облако кажется совершенно неподвижным, как будто нарисованным на небесном своде.

Этот величественный шатер белоснежного цвета, чистенько содержащийся природой, внизу заканчивается фестонами, дуги которых обращены кверху. Кажется будто белое полотно палатки привязано ко вбитым в землю кольям. Издали полная иллюзия конусообразного гигантского шатра, внутри которого обитатель его развел костер, сделал дыру в верхушке своей палатки и дым от этого костра стелется по голубому небу.

Священная гора Фудзияма

Цель нашего похода

Целью посещения Японии был визит вежливости со стороны будущего наместника Его Императорского Высочества, вице-короля белого Царя к владыке самого могущественного государства Азии.

Адмирал Старк вместе с адмиралом князем Ухтомским и со всем своим штабом, до десяти офицеров, выехал в Токио, чтобы представиться микадо.

Кают-компания же «Петропавловска» и «Пересвета» отправили свои делегации в Токио с визитом к нашему посланнику барону Розену, военному агенту полковнику Ванновскому и морскому агенту, капитану 2 ранга Русину.

В каждую делегацию входило по три офицера. От «Пересвета» в одну из двух троек входил и я. Нам было поручено посетить Ванновского и Русина, а второй тройке – посланника и генерального консула.

У военного агента

Конечно нас интересовало, как оценивают военную мощь страны восходящего солнца наши представители - специалисты по этой части.

Полковник Ванновский, сравнительно молодой человек, в насмешливых иронических выражениях описывал потуги японцев-макак сравняться с европейцами в военном отношении. Бывшие со мною офицеры, удивленные таким мнением, спрашивали Ванновского об основаниях к такому суждению, идущему вопреки мировому мнению о мощи Японии. Наш военный агент любезно и с охотой посвящал их в технические детали этого вопроса и, между прочим, описал им какие-то маневры, за ходом которых он наблюдал... Он высмеивал японскую армию.

Капитанъ II-го ранга А. И. Русинъ,
бывшій морскимъ агентомъ въ Японіи,
состоявшій начальникомъ военно-морского
отдѣла при штабѣ Главнокомандующаго
и назначенный состоять при главноупол-
номоченномъ для мирныхъ переговоровъ
въ Портсмутѣ.

У морского агента

Совершенно обратное мнение о военном могуществе Японии, реформированной великим японским Императором Мутцу-Хито, дал нам капитан 2-го ранга Русин. Он был очень высокого мнения о произведенных в Японии военных реформах, о народной доблести японцев, о технических успехах, достигнутых их промышленностью, их армией и их флотом. Он предостерегал нас о сугубой осторожности, ввиду возможности военного столкновения.

Мы откровенно изложили ему обратное мнение полковника Ванновского. Деликатно обходя своего коллегу, Русин ещё больше настаивал на своем мнении.

Через несколько дней Русин был с ответным визитом в нашей кают-компании, у нас на «Пересвете». Естественно, вся кают-компания, которой мы передали о разногласиях обоих специалистов о мощи нашего возможного противника, была охвачена тревогой и заставила Русина ещё раз подкрепить свои суждения.

Через сорок лет, уже здесь, в Париже, я был как-то у Русина, теперь полного адмирала, старого, больного, очень скромно жившего эмигрантской жизнью и напомнил ему, что в этом разноречии наших военных агентов, правым оказался он, а не полковник Ванновский.

«Когда мнения расходятся, кто-нибудь всегда бывает прав» - скромно ответил мне уходящий старик.